

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

«Описание трех путей» Афанасия Холмогорского

«Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского — интересный и до сих пор не оцененный по достоинству памятник, появившийся на рубеже XVII—XVIII столетий.¹ Это сочинение было найдено около 130 лет тому назад в библиотеке известного собирателя рукописей Ф. А. Толстого² академиком П. Г. Бутковым и опубликовано им с комментариями в 1838 г.³ Второй раз памятник был опубликован в начале нашего века В. Верюжским в приложении к его книге об Афанасии Холмогорском;⁴ там же дается единственный существующий до сих пор в нашей литературе очень краткий разбор этого сочинения.⁵

Автор сочинения, Афанасий, архиепископ Холмогорский, один из просвещеннейших русских людей своего времени, был, как известно, ревностным сторонником Петровских реформ. «Описание трех путей», по справедливому предположению В. Верюжского, Афанасий создавал с прямой целью помочь Петру I в войне со шведами. Но, будучи воспитан и прожив почти всю жизнь в условиях старой Московской Руси, он писал свои сочинения еще в старой манере XVII в. Хотя «Описание трех путей» было создано в 1701 г., но в нем и язык, и терминология еще относятся к XVII столетию. Таково, в частности, большинство содержащихся в сочинении зарубежных географических названий в старой русской транскрипции XVI—XVII вв.: Стекольна (Стокгольм), Выбор (Выборг), Кариберь (Каянеборг), Онульск (Оулу-Улеборг), Торнова (Торнео), Канец (Ниеншанц) и др.; в некоторых случаях, для точности, даются сразу два названия — традиционное русское и местное: Ругодев и Нарва, Колывань и Ревель. И только один термин явно относится к Петровскому времени — «Шведская земля» («шведы», «шведский город» и др.), вытеснивший здесь традиционное русское «Свейская земля», «свеи» и т. д.⁶

¹ Точное заглавие сочинения (в рукописи): «Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их».

² В настоящее время вместе с собранием Ф. А. Толстого находится в Рукописном отделении ГПБ, шифр: F.XVII.10.

³ Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701-м году. Подготовлено к печати П. Г. Бутковым. — Журнал Министерства внутренних дел, ч. 29. СПб., 1838, стр. 260—295. С этого издания первая часть памятника была перепечатана в «Архангельских губернских ведомостях» (1854, №№ 6 и 8).

⁴ В. Верюжский. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908, стр. 656—665.

⁵ Там же, стр. 630—633.

⁶ «Шведская земля», «швед» здесь — явное новшество в языке, возникшее при Петре под влиянием немецкого языка; наряду с ним продолжало еще долго бытовать в русском языке в первые десятилетия XVIII в. старое русское «свен» (которое, кстати, гораздо ближе к самоназванию этого народа «svear», чем позднейшее «шведы»).

Наибольший интерес в этом сочинении представляют составленные по рассказам очевидцев, русских торговых людей, краткие, но весьма содержательные описания городов, селений, местностей в порубежных и зарубежных землях. Эти описания были, по всей вероятности, нужны в чисто практических целях — русским нужно было знать места, в которых придется воевать, поэтому большое внимание уделялось укреплениям, гарнизонам и т. п.; но почти везде дается и общее описание города, местности, населения. В описаниях бросается в глаза меткая наблюдательность простых русских людей, умевших в каждом чужом зарубежном городе увидеть главное, наиболее характерное и в краткой, лапидарной форме рассказать об этом у себя на родине.

Лучше всего описана шведская столица «Стекольна», стоящая «по самому берегу морские проливы». Здесь русским людям, привыкшим к своим деревянным городам и селениям, бросилось в глаза обилие «полат, домов каменных»; «ряды и в них лавки все каменные, в рядех и по проезжих улицах мосты⁷ везде каменные». Специально описываются наиболее важные здания и пункты города — королевский замок, кафедральный собор («каролевская керка каменная, предивного строения, великая»), поразившая рассказчика своей высотой соборная колокольня, морская пристань, принимающая ежегодно «по 300 и вящши» торговых кораблей. И, конечно, упоминается существующий «ради приезду купецких русских людей... гостин двор каменной великой» — центр русской торговли со шведами в Стокгольме. Рассказав о достопримечательностях «Стекольны», автор в заключение подчеркивает превосходство над ней по величине русской столицы; по его словам, «Стекольна» наполовину или более чем наполовину меньше Москвы.

Почти столь же подробно описывается Нарва; здесь отмечается окруженный стеной и рвом «город» с каменными домами и лавками, стоящий «вне града» большой деревянный «посад», в нем «купецкие анбары» и на реке — пристань для морских кораблей. Против Нарвы на высокой горе — занятая шведами старая русская крепость Ивангород; как метко замечает рассказчик, «со стен того Ивана града чрез реку во граде Ругодеве все видеть». Как известно, Ивангород был специально построен при Иване III на русском берегу Нарвы на таком возвышенном месте, чтобы с его стен можно было наблюдать за всем, что делается в ливонской Нарве, и иметь всегда возможность предупредить вражеское нападение.

Любопытны своей меткостью также описания городов Кольваня (Ревеля—Таллина), Выбора (Выборга), Або, Канца (Ниеншанца), Корельска и др.

Произведение это, создававшееся в сложной обстановке начала Северной войны, через несколько месяцев после поражения русских войск под Нарвой,⁸ полно тем не менее чувства глубокого патриотизма, веры в грядущую победу своей страны. И это чувство спокойной уверенности особенно заметно в описаниях Ижорской земли и Корельского уезда, с начала XVII в. находившихся под властью шведов. Бросается в глаза ясное убеждение автора и рассказывавших ему русских торговых людей о том, что шведы здесь — временные и недолговечные пришельцы. Так, начиная описывать Орешек, автор прежде всего подчеркивает, что эта крепость — «строение великих московских государей». При описании Ивангорода трижды упоминается, что он «древний государский град»; Яма и Копорье — «города царского величества старинные», Корельск (Корела,

⁷ Т. е. мостовые.

⁸ Произведение датировано в самом тексте мартом 1701 г.

Кексгольм) — «град древний государский». Говоря о крепости Канец (Ниеншанц), построенной на Неве шведами, автор особо подчеркивает, что этот град «стоит на государственной земле». И даже, когда рассказывается о коренном населении Ижорской земли и Корельского уезда, обязательно отмечается, что они хотя и не русские по крови, но люди «нашего благочестия христианские веры... прежде были за великим государем московским». Одним словом, при чтении текста о захваченных шведами бывших русских владениях невольно создается впечатление, что русские люди, несмотря на наличие шведских гарнизонов, по-прежнему чувствовали себя в этих землях законными хозяевами.

Целью сочинения было не только описание городов и местностей, но прежде всего (как это явствует из заглавия) описание путей, ведущих в шведские владения. Исходным пунктом для этих путей берутся берега Белого моря.⁹ Исследователи, касавшиеся этого сочинения до сих пор, собственно описанием путей, в сущности, совсем не занимались, хотя оно является одной из наиболее ценных сторон данного памятника.

Первый описываемый здесь путь шел от Белого моря, от Сумского городка, по р. Выг до Выгозера, оттуда до волости Маселга и к Онежскому озеру у Повенца (по этой линии в наши дни проложен Беломорско-Балтийский канал). От Повенца прямая водная дорога вела по Онежскому озеру, Свири и Ладожскому озеру до «великие реки Невы», по Неве «в морскую проливу»¹⁰ — Финский залив и далее в «море Варяжское»¹¹ к шведской столице «Стекольне». Фактически в данном случае автором соединены вместе два пути — древний путь из Новгорода и Приладожья к Белому морю, являвшийся (по крайней мере, с X—XI вв.) основной линией связи между Новгородом и русским Севером, и важнейший русский водный путь через Неву в Балтийское море, когда-то являвшийся началом знаменитого «пути из Варяг в Греки». Из Беломорья в XVI—XVII вв. русские товары в гораздо большем объеме продавались прямо на запад по морю, через Архангельск. Но русские торговые люди в XVII в. стали использовать и путь в Швецию, описанный Афанасием Холмогорским, для продажи севернорусских товаров на берегах Балтийского моря, в Нарве, Ревеле, Стокгольме. В наибольшей мере использовался по-прежнему южный отрезок этого пути — из Новгородской земли через Неву в Балтийское море.

Меньшее значение имели описываемые Афанасием Холмогорским второй и третий пути, мало известные нашим историкам. Эти пути использовались главным образом для торговли между северными владениями России и Швеции.

Второй путь вел «из Сумского городка на Шилню» (соврем. Шижня в низовьях Выга) «чрез многия села и деревни» северной Карелии «на Тулово» (оз. Тулос и с. Туливары у «немецкого шведского рубежа») и «до первыя волости жителей швецких Пангозера» (соврем. оз. Пан-

⁹ Не только потому, что сочинение создавалось в Холмогорах, но и (по весьма вероятному предположению В. Верюжского; Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды, стр. 630) потому, что оно должно было дать сведения для намечавшихся Петром I операций против шведов из района Белого моря, практически осуществившихся летом 1702 г. в виде известного перехода Петра с войсками и 2 кораблями от Белого моря через Онежское и Ладожское озера (почти точно по линии первого пути, описываемого Афанасием) к истоку Невы, к стоявшей там шведской крепости Нотебург.

¹⁰ Слова «залив» в русском языке тогда еще не было; в данном сочинении понятие «залив» выражается двумя разными способами: «морская пролива» (для Финского залива) и «Ботнинский рукав» (для Ботнического залива).

¹¹ Тем самым документально подтверждается, что древний русский термин «море Варяжское» от времен Начальной летописи дожил до первых лет XVIII в.

киярви). Оттуда путь шел к Корельску—Кексгольму, древней русской Кореле, а от Корельска к Выборгу и по берегу Финского залива к главному городу Финляндии—Або. Эта дорога, проходившая от Карельского перешейка по многим рекам и через озера Пюхьярви, Оривеси, Пиэлисьярви к Белому морю, тоже является очень древней и восходит по крайней мере к XI—XII вв.; по этому пути древние карелы, жившие на Карельском перешейке, продвигались к Белому морю и освоили и заселили Беломорскую Карелию. Как важная линия торговых сношений между Корельским уездом и Белым морем этот путь хорошо прослеживается с XVI в., когда он был впервые описан «со слов одного русского» финном Якобом Тейттом.¹²

Третий путь «от Кемского городка» шел по р. Кеми на «погост Пудожения» (соврем. с. Подужемье) и на «Панзерский погост» (с. Панозеро), оттуда по р. Кеми и другим рекам к границе. «На границе порубежной стоят великия 2 сосны», на одной из них вырезан герб России, на другой—герб Швеции. Оттуда путь шел по рекам и озерам «до града Кариберя» (Каянеборга) и «до града Онульского» (Улеборга) у берега Ботнического залива. Этот путь, тоже очень древний, тоже хорошо известный в XVI в.,¹³ получил наибольшее развитие с XVII в.; северные области Финляндии получали по этому пути многие необходимые товары из русских владений.¹⁴

Таковы наиболее важные стороны этого любопытного и незаслуженно забытого памятника нашей письменности, появившегося на рубеже XVII—XVIII вв. В этой краткой заметке, разумеется, нельзя было исчерпать все содержание произведения. Изучение его, безусловно, должно быть продолжено.¹⁵

¹² J. Jaakkola. Finlands vägar och samfärdsleder under medeltiden. — Nordisk kultur, Bd. XVI. Stockholm, 1933, стр. 264.

¹³ Там же.

¹⁴ A. Cederberg. Pohjoisen Karjalan kauppaolot. Helsinki, 1911, стр. 8—14, 145; История Карелии до середины XVIII в. (издание на правах рукописи). Петрозаводск, 1952, стр. 306—307, 367. Путь этот продолжал широко использоваться для мелкой крестьянской торговли («коробейники») до начала XX в.

¹⁵ Когда настоящая работа уже была закончена, Л. А. Дмитриев любезно сообщил автору, что им найден в собрании И. А. Шляпкина в библиотеке Саратовского государственного университета второй список сочинения Афанасия Холмогорского в составе рукописного сборника географического содержания, написанного скорописью первой половины XVIII в. (шифр 329.530). При сличении нового списка с текстом единственного известного до сих пор списка, публиковавшегося П. Г. Бутковым и В. Верюжским, становится очевидным, что новый список полнее и более точно передает первоначальный текст Афанасия Холмогорского; в новом списке содержатся гораздо более пространные и подробные описания некоторых городов, путей и т. д., и, что особенно важно, новый список содержит больше мест, направленных против врагов России—шведов, здесь чувствуется, так сказать, «дыхание» ведущейся войны со Швецией. Видимо, известный нам ранее список представлял собой позднейшую переработку сочинения Афанасия Холмогорского, произведенную через несколько десятилетий после окончания Северной войны, когда многие подробности, содержащиеся в сочинении, представлялись уже неинтересными и были опущены. Новый список настолько сильно расширяет и дополняет наше представление об этом памятнике, что необходимо всячески рекомендовать его скорейшее опубликование.